

ГАСТРОЛИ

Рос. Вестн. - 1995. - 8 Дек.

Веселое безумие клаустрофобии

Гастроли в Москве Малого Драматического театра Льва Додина из Петербурга улекли столичную публику не только знаменитыми «Братьями и сестрами», «Бесами» и «Вишневым садом», но и экспериментальными постановками молодежной студии театра «Гаудеамус» по повести С. Каледина «Стройбат» и «Клаустрофобия» - спектакля, сочиненного на материале современной прозы. Заявив откровенно о рождении в недрах Малого драматического новой жесткой эстетики, молодые исполнители и соавторы спектакля сильно озадачили одну часть аудитории, вызвав восхищение у другой ее части.

«Гаудеамус» - 19 импровизаций на тему безудержного абсурда советской армии, доведенного до апофеоза в трагикомической повести Каледина, - спектакль в первую очередь абсолютно музыкальный. Его энергичный и упругий ритм вырастает из музыкального коллажа. Чего здесь только нет: и стравивая песня «Синий, синий иней», и вальс Г. Сайридова, и менуэт Боккерини, и «Santa Lucia» в хрустальном звучании Робертано Лоратти, и «Ogi» - хит «Bealies», и народная песня «Краса моя девчачья», и вальс Жака Бреля, и Турецкий марш Моцарта, и «Синий платочек», и выход Торедора из «Кармен», и духовная музыка, и итальянская песня «Скажите, девушки, подружки вашей». Многонациональный состав стройбата не только прекрасно поет, но еще и играет на музыкальных инструментах - от гармонии до саксофо-

на. Так в разудалой фантастической абсурда звучит прилаптенная песенка «Дамбеля».

В «Гаудеамусе», где действуют бритые герои в кирзовых сапогах, выстраивающиеся в шеренгу «по линии половой щели» и танцевально отработывающие команду «вольно», молодые актеры демонстрируют все свои боикий, синий иней», и вальс Г. Сайридова, и менуэт Боккерини, и «Santa Lucia» в хрустальном звучании Робертано Лоратти, и «Ogi» - хит «Bealies», и народная песня «Краса моя девчачья», и вальс Жака Бреля, и Турецкий марш Моцарта, и «Синий платочек», и выход Торедора из «Кармен», и духовная музыка, и итальянская песня «Скажите, девушки, подружки вашей». Многонациональный состав стройбата не только прекрасно поет, но еще и играет на музыкальных инструментах - от гармонии до саксофо-

Художник Алексей Горай-Кошиц, припорошивший сцену белым снегом, выбрал для каждого ударного эпизода единственный образ-символ: влюбленная пара уле-

тает на роле, свидание с девками, естественно, происходит при наличии койки. Символом любви - трогательным и достоверным - может стать в таком спектакле армейский подарок любимой женщине - новая телогрейка.

«Армия, как грандиозная метафора безумия, до которого доводит себя человечество», выглядит у молодых актеров более комично, нежели трагично. Особенно это заметно в скетче сбора соответствующих анализов под упоенное скандирование «Я, ты, он, она, вместе - целая страна». Поэтому даже насилие, убийство, бессмысленная жестокость в «Гаудеамусе» - этот трагически общеизвестный кошмар советской армии - проходит сквозь призму безумного веселья. Сделанный в 1990 году спектакль, покоривший многие страны мира, смотрится сейчас как ирреальный мюзикл, близок к кирзовым сапогам. И его участники - обитатели свихнувшегося мира - не рассчитывают, выйдя за пределы унижений, предательства, бессмысленного и беспощадного взаимоотношения, услышать ангелов и увидеть небо в алмазах.

В другом молодежном спектакле Малого драматического театра - «Клаустрофобия» - тема обреченных изгоев звучит еще яв-

ственной. Так же, как и «Гаудеамус», это спектакль - импровизация, рождающаяся при работе студентов и молодых актеров над современной прозой Владимира Сорокина, Венедикта Ерофеева, Людмилы Улицкой и Марка Харитоновна. Лев Додин, интеллигентнейший и тонкий режиссер, находится в программе руководителя этой шокирующей, паразитической постановки.

Понятие «клаустрофобия» интерпретируется в спектакле как прорыв замкнутого пространства вокруг человека к секунднему моменту счастья - освобождению от одиночества. Однако при всем уважении к идее авторов

главной темой «Клаустрофобии» оказывается все же история «кубиковистов» - «организмов, приспособившихся к жизни в любых условиях» из одноименного рассказа В. Сорокина, - и ее бесконечные, безумные и отталкивающие интерпретации.

Из кокаинового бреда, из вальса «На сопках Манчжурии», из формулы соляной кислоты рождаются в стерильных белых стенах то ли заброшенного дома, то ли необитаемого танц-класса мир этого медитативного, порой жестокого и грубого, порой фарсового, порой поэтического спектакля. Самая сильная его оценка - это отрывок из знаменитой сор-

кинской «Очереди», исполненный ансамблем солистов в жутковато - веселом стиле современной оперы. Самая отвратительная - это расказ «Пельмени», в котором безобразная сцена пьяного угара прапора и его фанатичной жены вызывает у зрителя обострение многих физиологических реакций. На этом фоне даже черный юмор фантастической с ожившим залпесневавшим Ильичем, раскачивающимся с Наденькой на качелях, выглядит милой шалостью. Отрывок из «Москва-Плутушки» о государственных границах, по другую сторону которых «все мало пьют и говорят не по-русски», оказывается изысканной и высокохудожественной литературой. А разговор двух нищих на паперти из рассказа Улицкой «Избранный народ» производит впечатления возвышенное.

Обитатели современного дня - печальные и агрессивные маргиналы - исполняют в странном экспрессионистском блате для драматического театра под названием «Клаустрофобия» роли социальные и психофизиологические одноаренно. Миф вся страна стоит в очереди неизвестно за чем, ей являются пророк, вождь, юродивый, палач, мученик...

Наталья КОЛЕСОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Гаудеамус»

Фото В. Васильева.

С-105
10M
MPT